

Оригинальная статья/Original article

УДК 341

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.2.227-239>**Правовое регулирование выбросов парниковых газов в Китае и Индии: роль в достижении основной цели Парижского соглашения****М.Е. Пекарникова***Институт природно-технических систем РАН, г. Севастополь, Россия
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия**pekarnikowa@mail.ru***Аннотация**

Актуальность настоящей статьи обусловлена опасными климатическими тенденциями в окружающей природной среде, связанными с растущими выбросами парниковых газов антропогенного происхождения и ускорением глобального потепления, несмотря на подписание Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата в 1992 г. и Парижского соглашения, принятого на 21-й Конференции сторон РКИК ООН в 2015 г. Проанализированы текущее состояние правового регулирования выбросов парниковых газов и данные об их эмиссии за 1990–2023 гг. в двух крупнейших государствах-эмитентах – Китае и Индии. Высказано мнение о том, что при существующей в этих государствах системе правового регулирования эмиссии парниковых газов в условиях относительно большой стоимости «зеленого» энергоперехода, неготовности их действовать в ущерб экономическим интересам, большой численности бедного населения одна из основных целей ПС по ограничению роста приземной температуры, связанного с антропогенной деятельностью, в ближайшей перспективе не будет достигнута. Более развитое (хотя и недостаточное для выполнения одной из основных целей ПС) правовое регулирование в указанной сфере отмечается в Китайской Народной Республике. Сделан вывод о том, что эффективная стратегия для достижения одной из основных целей ПС состоит в разработке и имплементации юридически обязывающих как международных, так и внутригосударственных нормативных правовых актов в крупных государствах-эмитентах в сфере ограничения выбросов парниковых газов. В первую очередь это касается государств-эмитентов, ответственных за основную долю глобальных выбросов парниковых газов, в число которых входят Китай и Индия.

Ключевые слова: Парижское соглашение по климату, антропогенные выбросы парниковых газов, изменение климата, правовое регулирование в Китае, Индии

Благодарности. Работа выполнена в рамках темы госзадания Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт природно-технических систем» РАН: «Фундаментальные исследования процессов в климатической системе, определяющих пространственно-временную изменчивость морской среды и прилегающих территорий в широком диапазоне масштабов» (№ госрегистрации 124020100120-9).

Автор выражает глубокую признательность рецензенту за конструктивные замечания и полезные рекомендации по доработке рукописи.

Для цитирования: Пекарникова М.Е. Правовое регулирование выбросов парниковых газов в Китае и Индии: роль в достижении основной цели Парижского соглашения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2026. Т. 168, кн. 2. С. 227–239. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.2.227-239>.

Legal regulation of greenhouse gas emissions in China and India: The role in achieving the Paris Agreement's main goal

M.E. Pekarnikova

*Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences, Sevastopol, Russia
Kazan Federal University, Kazan, Russia*

pekarnikowa@mail.ru

Abstract

Dangerous climate trends, which are associated with increasing anthropogenic greenhouse gas emissions and accelerating global warming, have persisted globally in the natural environment even though the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) was signed in 1992 and the Paris Agreement (PA) was adopted at the 21st Conference of the Parties to the UNFCCC in 2015. This article explores the current legal regulation of greenhouse gas emissions in China and India, the world's two largest emitters of carbon gases, and examines the publicly available data on greenhouse gas volumes they produced during the period between 1990 and 2023. The analysis showed that, given the existing legal framework for greenhouse gas emissions in these countries, the relatively high costs of the green energy transition, their unwillingness to act against their economic interests, and the large number of poor people, one of the main goals of the Paris Agreement, to limit the human-caused global surface temperature increase, is unlikely to be achieved in the near future. China has a more developed (although still insufficient to reach the above goal) set of legal measures aimed at limiting global temperature rise. The findings suggest that an effective strategy for making progress on the achievement of the Paris Agreement goals is to elaborate and implement legally binding international and domestic regulations. This primarily applies to the countries responsible for the majority of global greenhouse gas emissions, including China and India.

Keywords: Paris Agreement, anthropogenic greenhouse gas emissions, climate change, legal regulation in China and India

Acknowledgments. This study was carried out as part of state assignment no. 124020100120-9 ("Fundamental studies of processes in the climate system that determine the spatiotemporal variability of the marine environment and adjacent territories over a wide range of scales") to the Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences.

The author thanks the reviewers for their helpful comments and thoughtful feedback on the manuscript.

For citation: Pekarnikova M.E. Legal regulation of greenhouse gas emissions in China and India: The role in achieving the Paris Agreement's main goal. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2026, vol. 168, no. 2, pp. 227–239. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.2.227-239>. (In Russian)

Введение

Актуальность анализа правового регулирования выбросов парниковых газов в основных государствах-эмитентах на современном этапе очевидна. Как известно, главными итогами Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. стали два документа: Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (международное соглашение) и Повестка дня на XXI в. (документ рекомендательного характера), которая заложила практическую основу для дискуссии государств-участников об устойчивом и экологически безопасном развитии в качестве важнейшего принципа, что было, безусловно, необходимо (Устав ООН) [1]. Действительно, для подавляющей части специалистов очевидным стало

наличие опасных для современной цивилизации климатических тенденций, связанных с эмиссией парниковых газов антропогенного происхождения и проявляющихся в виде глобального потепления и других (в основном негативных) последствий для климатической системы (Climate Change) [2]. Опубликованные оценки свидетельствуют о том, что целевой показатель по ограничению роста приземной температуры воздуха в пределах полутора-двух градусов к концу XXI столетия, указанный в ПС, не будет достигнут [3; 4], причем роль первых трех государств из числа основных эмитентов (Китая, США и Индии) в этом контексте является определяющей, поскольку они обеспечивают около половины суммарных глобальных выбросов парниковых газов в нижние слои атмосферы [5].

Климатическое законодательство США и особенности его имплементации в политико-правовых реалиях последних 30 лет были изучены подробно¹. Что касается Китая и Индии, то подобного исследования в предыдущих работах не проводилось. Поэтому в настоящей статье осуществлен анализ текущего состояния правового регулирования эмиссии парниковых газов и рассмотрена современная климатическая политика в Китае и Индии в контексте ее соответствия целям ПС.

ПС – базовое международное климатическое соглашение, определяющее в настоящее время целевые показатели по ограничению роста приземной температуры антропогенного происхождения до конца XXI в. и ставящее основной целью, определенной в ст. 2 ПС, уменьшение скорости глобального потепления до приемлемого уровня с тем, чтобы рост приземной температуры к концу XXI в. не превысил полутора-двух градусов Цельсия по сравнению с доиндустриальным периодом [6–8]. Необходимо отметить, что в ПС юридические обязательства сторон носят в основном декларативный характер. В нем не оговариваются целевые показатели по уменьшению эмиссии парниковых газов, связанной с антропогенной деятельностью. При этом отмечается, что каждое государство, присоединившееся к Соглашению, вправе самостоятельно определять во внутригосударственных правовых актах конкретные цели по ограничению суммарных выбросов парниковых газов (таких как углекислый газ, метан, закись азота), непосредственно связанных с хозяйственной деятельностью человека. По условиям ПС соответствующие внутригосударственные правовые акты, а также определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ), конкретизирующие стремление государств к достижению углеродной нейтральности, должны были быть подготовлены и представлены в Секретариат ООН до конца 2020 г., чего не было выполнено многими государствами, присоединившимися к Соглашению. Важно отметить следующее принципиальное обстоятельство: вышеприведенный тезис не означает, что вследствие декларативности норм ПС, экономической составляющей зеленой экономики и не представленных вовремя ОНУВ одна из основных целей ПС, связанная с ограничением роста приземной температуры антропогенного происхождения, не может быть достигнута. Естественно, при условии выделения на развитие зеленой экономики от 2.5 до 7.5 % глобального внутреннего валового продукта ежегодно до 2050 г. Этой цели можно достичь независимо от того, представлены ли в срок предусмотренные ПС ОНУВ, разработаны ли долгосрочные стратегии развития с низким уровнем выбросов парниковых газов в большинстве государств-эмитентов (Roadmap) [4].

¹ Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Изменение вектора климатической политики Соединенных Штатов Америки в 1992–2023 годах // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 10. С. 70–80. <https://doi.org/10.31857/S2686673023100073>.

Более важным представляется четкое правовое регулирование сокращения выбросов парниковых газов, необходимое для достижения конкретных целевых показателей по ограничению роста температуры, указанному в ПС, с внедрением юридически обязывающих норм. В обозначенном контексте рассмотрим политико-правовую ситуацию в Китае и Индии на современном этапе развития [9].

Анализ данных по выбросам парниковых газов в Китае и Индии

Следуя методологии, описанной ранее в работе [3], рассмотрим тенденции изменения выбросов парниковых газов (ПГ) в Китае и Индии по сравнению с другими крупнейшими государствами-эмитентами и надгосударственным образованием ЕС за последние три с лишним десятилетия и сравним их с целевыми показателями по ограничению эмиссии парниковых газов, которые необходимо достичь для решения основной задачи ПС, направленной на ограничение роста приземной температуры, связанного с антропогенной деятельностью. Китай и Индия отвечают почти за 40 % глобальных выбросов парниковых газов, занимая соответственно первое и третье места в списке первых пяти государств², расположенных в порядке убывания их вклада в эти выбросы (табл. 1).

Табл. 1. Характеристика выбросов парниковых газов основными эмитентами в 1990–2023 гг. (по данным EDGAR) в CO₂ эквиваленте, мегатонны и % с округлением [5]

Table 1. CO₂-equivalent greenhouse gas emissions by the major emitters in 1990–2023 (as available from the EDGAR inventory), megatons and percentages rounded [5]

Эмитент	1990	2000	2010	2020	2021	2022	2023	Доля в глоб. эмиссии в 2023 г., %	+/-2023 г. отн. 1990 г., %
Китай	3876	5243	11263	14498	15176	15160	15944	30.1	311.3
США	6209	7203	6710	5672	5998	6046	5960	11.3	-4.0
Индия	1383	1845	2718	3433	3680	3897	4133	7.8	198.9
ЕС-27	4877	4481	4235	3388	3577	3482	3221	6.1	-33.9
Россия	3066	2089	2203	2396	2548	2622	2672	5.1	-12.8
Все государства, приведенные выше	19411	20861	27129	29387	30979	31207	31930	60.4	—

Из анализа данных по выбросам парниковых газов основными государствами-эмитентами в период с 1990 по 2023 г. (табл. 1), а также исследования правовых актов климатической направленности, принятых в Китае и Индии, можно сделать следующие общие выводы.

1. Индия и Китай, ответственные за ~40 % глобальных выбросов ПГ, в принципе не выполняют предусмотренное ПС основное условие, обеспечивающее уменьшение выбросов парниковых газов, необходимое для ограничения роста приземной температуры. Действительно, вместо стабилизации и дальнейшего уменьшения выбросов парниковых газов после 2020 г., что является важнейшим условием необходимым для выполнения одной из основных целей ПС, рассматриваемые государства, наоборот, увеличили объемы эмиссии. Как следует из табл. 1, у первых трех государств-эмитентов (Китая, США и Индии), отве-

² Боголюбов С.А. Развитие экологического права на евразийском пространстве. М.: ИНФРА-М, 2020. 429 с.

чающих почти за половину глобальной эмиссии парниковых газов на Земле, выбросы этих газов после 2020 г. возросли более чем на 10 %. Если проанализировать динамику выбросов ПГ в Китае и Индии в более долгосрочном плане, а именно в период с 1990 по 2023 г., то можно сделать вывод, что наибольший рост эмиссии в 2023 г. по сравнению с 1990 г. имел место в Китае (более чем на 300 %) и Индии (которая увеличила выбросы парниковых газов на величину порядка 200 %).

Другими словами, очевидно, что Китай и Индия – главные государства на Земле, препятствующие ограничению роста приземной температуры, связанной с антропогенной деятельностью. Этот вывод подтверждается анализом данных об эмиссии 13 крупнейших государств-эмитентов парниковых газов за последние 30 с лишним лет³. При таких тенденциях увеличения выбросов парниковых газов Китаем и Индией достижение целевого показателя по росту глобальной приземной температуры в пределах полутора-двух градусов Цельсия, принятого в ПС, на сегодняшний день представляется маловероятным. Вместе с тем в последние годы можно отметить некоторые положительные тенденции в развитии и имплементации правовых актов климатической направленности в Китае и Индии (в меньшей степени).

Особенности правового регулирования выбросов парниковых газов в Китайской Народной Республике

Как указывалось выше, Китай в настоящее время является крупнейшим в мире эмитентом парниковых газов, на долю которого приходится около 30 % глобальных выбросов ПГ. Следовательно, правовое регулирование выбросов этих газов в Китайской Народной Республике имеет критически важное значение не только для выполнения государством своих международных обязательств в рамках ПС, но и для консолидированных усилий мирового сообщества по борьбе с глобальным потеплением и смягчению последствий изменения климата антропогенного происхождения. Современный этап развития климатической политики Китая характеризуется переходом от декларативных заявлений к созданию комплексной и строгой нормативно-правовой базы, что делает юридическое изучение данного процесса крайне важным.

Основные эколого-климатические правовые акты Китая, принятые за последние десятилетия до подписания ПС, представлены следующими законами: «Об охране окружающей среды морей и океанов» (1982), «О борьбе с загрязнением атмосферы» (1987), «О предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами» (1996), «Об оценке воздействия на окружающую среду» (2002), «Об охране окружающей среды» (2014).

Важно отметить, что современное климатическое регулирование представляет собой самостоятельный правовой комплекс, систему международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе за сокращение выбросов парниковых газов при сопутствующих изменениях климата и адаптации к климатическим изменениям; упомянутая система начала формироваться во второй половине XX в. и имеет в своем арсенале специфические цели и инструменты, в связи с чем вышеуказанные правовые акты КНР, принятые до ПС, целесообразно рассматривать в качестве историко-правовых предпосылок развития климатического законодательства. Становление же климатического регулирования в КНР объективно связано с более поздним периодом целенаправленного развития национального

³ Пекарникова М.Е., Роль государств-эмитентов парниковых газов в достижении одной из основных целей Парижского соглашения // Евразийский юрид. журн. 2025. № 8 (207). С. 59–62.

законодательства в рамках исполнения обязательств, связанных с принятием РКИК ООН, ПС и других международных соглашений по климату.

Долгое время климатическая политика Китая, как и остальных государств-участников БРИКС, базировалась на принципе «общей, но дифференцированной ответственности», что позволяло ему акцентировать внимание на праве на развитие, а не на обязательствах по сокращению эмиссии парниковых газов. Переломным моментом стало принятие в 2015 г. ПС, которое Китай ратифицировал в 2016 г. В своих ОНУВ Китай обязался достичь пика выбросов CO₂ до 2030 г. и добиться углеродной нейтральности к 2060 г. Как отмечают эксперты, обязательства Китая по достижению углеродной нейтральности являются наиболее амбициозными в мире с точки зрения требуемого темпа декарбонизации [10; 11]. Важно отметить, что целевые показатели «пик углерода» и «углеродная нейтральность» не являются простой декларацией. Цели достижения «пика углерода к 2030 г.» и «углеродной нейтральности к 2060 г.» были официально провозглашены Председателем Си Цзиньпином в 2020 г. Они стали центральным элементом всей национальной стратегии и нашли отражение в ключевых политических документах, таких как 14-й пятилетний план КНР (2021–2025) и План перспективных целей до 2035 г. В «Белой книге о деятельности Китая в области изменения климата» подчеркивается: «Китай придает большое значение реагированию на изменение климата... и интегрирует цель углеродного пика и углеродной нейтральности в общую схему строительства экологической цивилизации»⁴ (Белая книга).

Правовая система регулирования выбросов парниковых газов в Китае является многоуровневой и продолжает развиваться. Фундаментом является закон КНР «О борьбе с загрязнением окружающей среды», который, однако, исторически был сфокусирован на загрязнителях местного значения (SO₂, NO₂ и др.). Прямое регулирование выбросов парниковых газов долгое время отсутствовало.

На современном этапе ключевым инструментом правового регулирования выбросов парниковых газов является Национальная система торговли квотами на выбросы углерода (ETS – Emissions Trading System), запущенная в 2021 г. Ее правовой основой служат «Временные правила управления торговлей квотами на выбросы парниковых газов», выпущенные Министерством экологии и окружающей среды (МЭОС) в 2021 г., и Национальный план распределения квот на выбросы парниковых газов для энергетического сектора [12]. Регулирование данного вопроса дополняется множеством подзаконных актов, ведомственных правил и отраслевых планов, среди которых политика зеленых финансов: руководства по таксономии зеленых проектов, стимулирующие инвестиции в низкоуглеродные технологии; планы по поэтапному отказу от угля и развитию возобновляемой энергетики и стандарты энергоэффективности для промышленности, зданий и транспорта. На первом этапе эта Национальная система охватывает энергетический сектор, включающий около 2 150 компаний, на которые приходится более 4 млрд т CO₂-эквивалента, что делает ее крупнейшей в мире в сфере ограничения эмиссии ПГ.

Архитектура системы китайской ETS построена по модели «коэффициента интенсивности выбросов», а не абсолютного потолка выбросов (cap-and-trade «ограничь и торгуй»). Иными словами, государство устанавливает общий верхний предел (кап) на выбросы CO₂ для всех основных секторов экономики, затем этот общий лимит распределяется между конкретными предприятиями в виде бесплатных квот на выбросы. Далее, если предприятие со-

⁴ Перевод в цитатах наш. – М. П.

кратило выбросы и у него остались лишние квоты, оно может продать их на углеродном рынке, а если не хватает – купить квоты у других предприятий. Это предопределяет для компаний прямую финансовую выгоду от снижения выбросов и финансовые издержки в случае их превышения. Таким образом, устанавливается не абсолютный лимит на тонны эмитируемого CO₂, а лимит на объем выбросов на единицу произведенной электроэнергии (в тоннах CO₂/МВтч). Такой подход учитывает растущие энергетические потребности страны.

Механизм реализации квотирования включает:

- 1) распределение квот: бесплатное распределение на основе бенчмарков (эталонов интенсивности выбросов): если предприятие «чище» бенчмарка, оно получает излишек квот и может их продать, а если «грязнее» – придется покупать дополнительные квоты;
- 2) отчетность и верификацию: обязательство компаний ежегодно предоставлять отчеты о выбросах, которые проверяются третьей стороной;
- 3) торговлю квотами: компании, превысившие свои квоты, могут купить их у более эффективных предприятий на Шанхайской энергетической бирже;
- 4) погашение квот: в конце каждого контрольного периода компании обязаны погасить квоты, эквивалентные своим фактическим выбросам.

Несмотря на масштабность и государственную поддержку описанных инициатив на самом высоком уровне, ETS сталкивается с рядом проблем в том числе в системе правового эколого-климатического регулирования Китайской Народной Республики. Эти проблемы обусловлены следующими факторами:

- цены на углерод остаются относительно низкими (порядка 60–80 юаней за тонну по состоянию на 2024 г.), что слабо стимулирует глубокую декарбонизацию [2];
- отсутствие верховенства закона; по мнению П. Росадо, «ключевой проблемой является не столько дизайн системы, сколько обеспечение последовательного и прозрачного соблюдения правил на всех уровнях управления» (Ros.); местные власти могут лоббировать интересы крупных государственных предприятий, противодействуя декларируемому вектору развития низкоуглеродной экономики;
- ограниченный охват: на начальном этапе система охватывает только энергетику; включение таких ключевых секторов, как производство стали, цемента, алюминия и химическая промышленность, запланировано, но постоянно откладывается;
- отсутствие единого рамочного закона; пока не будет принят и введен в действие закон «О противодействии изменению климата», правовой статус многих мер остается несколько размытым и зависит от подзаконных актов.

В коммюнике 4-го пленума ЦК Коммунистической партии Китая 20-го созыва от 23 октября 2025 г. указано, что необходимо ускорять процесс зеленой трансформации всех областей социально-экономического развития страны с целью построить «прекрасный Китай». На пленуме было отмечено, что необходимо укреплять и претворять в жизнь концепцию «зеленые горы и изумрудные воды – бесценное сокровище»; преследуя цель по достижению пика выбросов углерода и углеродной нейтральности, согласованно продвигать работу по сокращению выбросов углерода, снижению уровня загрязнения, расширению зеленого пространства и стимулированию «зеленого» роста; укреплять экологическую безопасность и наращивать движущие силы зеленого развития; последовательно и энергично вести интенсивную борьбу с загрязнением и работу по улучшению экологических систем; ускорять создание энергетической системы нового типа; активно и планомерно продвигать и завершать работу по достижению пика выбросов углерода, ускоренными темпами формировать «зеленый» способ производства и «зеленый» образ жизни.

Для реализации главных климатических целей – достижения пика выбросов углерода до 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г. – планируется действовать по нескольким направлениям: сокращать вредные выбросы и загрязнение, увеличивать площади зеленых насаждений, стимулировать «зеленый» экономический рост и укреплять экологическую безопасность. Китай намерен активно бороться с загрязнением, улучшать состояние природы, быстро создавать новую, более чистую энергосистему и повсеместно внедрять экологичные методы производства и образ жизни.

Обсуждая климатическую политику КНР в целом, важно отметить, что благодаря целенаправленной финансово-экономической поддержке государства Китай является безусловным мировым лидером по производству и продажам электромобилей. Такое положение вещей стало возможным в силу целенаправленных мер, предпринимаемых в Китае как на общегосударственном, так и на местном уровне. Повсеместно проводится субсидирование при утилизации старых автомобилей и покупке электромобилей (Гос.поддержка); реализуется освобождение от уплаты налога при покупке электромобиля (Изв.); обеспечивается бесплатная парковка электромобилей во время подзарядки; введен полный запрет на продажу новых автомобилей на бензине и дизельном топливе в провинции Хайнань, который вступит в силу к 2030 г. [9].

Таким образом, правовое регулирование выбросов парниковых газов в Китае на современном этапе находится в состоянии активного формирования и укрепления. Государство проделало значительный путь от общих политических заявлений к созданию конкретной системы, в первую очередь рыночной системы регулирования (Аналит.). Ядром этой системы является национальная ETS, которая, несмотря на свои текущие ограничения (низкая цена углерода, интенсивный подход, ограниченный охват), представляет собой исторически значимый шаг в развитии климатической политики Китая. Ее успешное развитие и расширение будут напрямую зависеть от решения системных проблем: принятия всеобъемлющего рамочного закона, усиления механизмов правового контроля, а также интеграции климатических целей в экономическую политику на всех уровнях [9–11].

Правовое регулирование и климатическая политика Индии на современном этапе

На сегодняшний день Индия определяется как один из мировых лидеров по выбросам парниковых газов. Ожидается, что общий спрос государства на первичную энергию к 2030 г. вырастет примерно на 63 %, а его доля в мировом спросе увеличится с 6.4 % в 2017 г. до 9.1 %. Вклад Индии в глобальные выбросы CO₂, связанные с энергетическим сектором, также возрастет – с 6.7 % до 10.6 % [12].

Географическое положение Индии делает ее одной из наиболее зависимых от климатических изменений стран мира. Свидетельством этого служат все более часто повторяющиеся стихийные бедствия на ее территории (наводнения, засухи, тропические циклоны).

До момента становления Индии как независимого государства (то есть до 1947 г.) существовало некоторое количество природоохранных законов, но отправной точкой для формирования правовой системы в области эколого-климатического регулирования стало проведение Конференции ООН в 1972 г. После 1972 г. и до присоединения к ПС основу эколого-климатического законодательства Индии составляли следующие законы: «О защите дикой природы» (1972), «О воде» (1977), «О воздухе» (1981), «Об охране окружающей среды» (ЕРА) (1986), «Об автомобилях» (принят в том числе для обеспечения надлежащей

упаковки, маркировки и транспортировки опасных отходов) (1988), «О национальном трибунале по окружающей среде» (1995) (Energy Policy Review).

Как и в Китае, становление климатического регулирования в Индии объективно связано с более поздним началом целенаправленного развития национального законодательства в целях исполнения обязательств, обусловленных принятием РКИК ООН и последующих международных соглашений по климату.

Важно отметить, что Индия была одним из первых государств в мире из числа тех, которые продекларировали важность проблемы глобальных климатических изменений. Страна и в настоящее время продолжает принимать активное участие в продвижении целей устойчивого развития ООН и развитии повестки дня в области изменения климата. При этом Индия активно продвигает тезис об «общей, но дифференцированной ответственности», заключающейся в том, что развитые государства несут основную долю ответственности за катастрофическую ситуацию в области климата. В связи с этим, по мнению индийского руководства и подавляющей части общественности, Индия, как развивающееся государство, имеет полное право на международную финансовую поддержку и получение технологий для обеспечения перехода к возобновляемым источникам энергии.

После присоединения государства в 2016 г. к ПС, Индия представила обновленные цели ОНУВ: достичь электрической мощности неископаемых источников энергии в 500 ГВт к 2030 г., обеспечить 50 % установленной мощности за счет возобновляемых источников энергии к 2030 г., сократить интенсивность выбросов ПГ (на единицу ВВП) на 45 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г. и, главное, достичь углеродной нейтральности к 2070 г. [13; 14].

Рассматривая национальное законодательство Индии, необходимо подчеркнуть, что прямого закона о регулировании выбросов в государстве не существует. Основной закон «Об энергосбережении», усиленный поправками, создает национальную систему торговли углеродными кредитами, схожую с КНР, но в очень упрощенном варианте [15].

На сегодняшний день продолжает действовать рамочный политический документ – Национальный план действий по изменению климата (2008 г.) (National Action Plan on Climate Change), включающий восемь «национальных миссий» (солнечную, повышения энергоэффективности, лесовосстановления, по водным ресурсам, по производству «зеленого водорода», по стимулированию использования электромобилей и т. п.). Более детальные планы действий по противодействию изменению климата антропогенного происхождения в Индии разрабатываются уже на уровне штатов (The Energy Conservation Act).

Важно подчеркнуть, что, согласно прогнозам Международного энергетического агентства, даже в сценарии ускоренного энергоперехода спрос на электроэнергию в Индии к 2040 г. вырастет почти в три раза, что потребует беспрецедентных инвестиций и международной кооперации. Можно утверждать, что рост потребления энергии в Индии будет самым большим в мире в ближайшие два десятилетия вследствие повышения уровня жизни населения, сопровождающегося ростом выбросов CO₂ в таких масштабах, которые реально угрожают действию международных усилий по борьбе с изменением климата.

Таким образом, правовое регулирование выбросов парниковых газов в Индии представляет динамичную мозаику из законов об энергосбережении, подкрепленную отраслевыми инициативами и программами, нацеленными на выполнение климатических обязательств с одновременным обеспечением пространства для экономического роста и доступа к энергии для населения.

Подводя итоги проведенного анализа, можно констатировать, что перспективы достижения одной из основных целей ПС находятся в прямой зависимости от сложных и противоречивых интересов Китая и Индии. Единого пути к климатической нейтральности не существует. Китай воплощает идею стратегического прагматизма, где правовое регулирование и климатические действия жестко подчинены целям энергобезопасности и технологического доминирования. Индия отстаивает парадигму климатической справедливости, увязывая свои амбиции с получением реальной финансовой и технологической помощи. Общие проблемы в этих крупнейших государствах-эмитентах связаны с наличием демографических, политико-экономических трудностей и относительно большой стоимостью зеленого энергоперевода, приводящей к медленному внедрению альтернативных источников энергии.

Заключение

Проведенное исследование еще раз подтвердило, что, несмотря на определенный прогресс в продвижении национальных климатических инициатив, имплементация норм международно-правового регулирования выбросов парниковых газов для достижения целевого показателя роста температуры, связанного с антропогенной деятельностью, в Китае и Индии развивается не такими темпами, какие предусмотрены РКИК ООН об изменении климата. При существующей системе правового регулирования эмиссии парниковых газов в Китае и Индии, ответственных за значительную долю глобальных выбросов таких газов (почти 40 %), одна из основных целей ПС, связанная с ограничением роста приземной температуры, связанного с антропогенной деятельностью, в ближайшей перспективе не будет достигнута, поскольку конкретные обязывающие нормы и правовые меры воздействия на государства, подписавшие ПС (в том числе на Китай и Индию), в случае невыполнения ими достигнутых обязательств не определены. Очевидно, что успех климатической политики в КНР и Индии будет зависеть еще и от того, насколько успешно будет совершенствоваться инновационный вектор развития экологически чистого производства, обеспеченный инвестициями и направленный на развитие энергетической независимости этих двух крупнейших государств-эмитентов.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

ПС – Парижское Соглашение от 21 дек. 2015 г. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r.pdf>, свободный.

РКИК ООН – Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 9 мая 1992 г.) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml, свободный.

Устав – Устав Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/document/charter>, свободный.

«О борьбе с загрязнением атмосферы» – Закон КНР «О борьбе с загрязнением атмосферы» (принят от 29 августа 1987 г. (в ред. от 26 окт. 2018 г.)) // Официальный сайт Постоянного комитета ВСНП: URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201901/20190104_213551.html, свободный.

«Об оценке воздействия на окружающую среду» – Закон КНР «Об оценке воздействия на окружающую среду» (принят на 30-й сессии ВСНП КНР 9-го созыва 28 окт. 2002 г., обнародован Указом

- Председателя КНР от 28 окт. 2002 № 77. Вступ. в силу 1 сент. 2003 г.). // The State Council of the People's Republic of China. URL: <http://www.gov.cn>, свободный.
- 14-й пятилетний план КНР – 14-й пятилетний план КНР (2021–2025) (раздел по экологии и климату). URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm#C37, свободный.
- Коммюнике 4-го пленума ЦК КПК – полный текст коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 20-го созыва // Официальный сайт Посольства КНР в России. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zggs/202510/t20251024_11740018.htm, свободный.
- Гос.поддержка – Китай. Обзор мер государственной поддержки электромобильности. URL: <https://www.digital-energy.ru/2025/05/28/analytics/13071-eqqcah/>, свободный.
- Белая книга – White Paper // The State Council of the People's Republic of China. URL: <https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper>, свободный.
- The Energy Conservation Act – The Energy Conservation Act 2001: Act No. 52 of 2001 (as amended up to 2022) // Government of India. Legislative Department. URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/A2001-52_0.pdf, свободный.
- National Action Plan on Climate Change – National Action Plan on Climate Change (New Delhi, 2008) // Government of India. Ministry of Environment, Forest and Climate Change. URL: <https://moef.gov.in/wp-content/uploads/2018/04/National-Action-Plan-on-Climate-Change-1.pdf>, свободный.
- Climate Change – Climate Change 2021. The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S.L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M.I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J.B.R. Matthews, T.K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi, R. Yu, B. Zhou. Cambridge University Press. 40 p.
- Roadmap – IEA Net Zero Roadmap 2023 // International Energy Agency (IEA). URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-roadmap-a-global-pathway-to-keep-the-15-0c-goal-in-reach>, свободный.
- Ros. – Rosado P., Ritchie H., Roser M. CO₂ and Greenhouse Gas Emissions (2023) // OurWorldInData.org. URL: <https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions>, свободный.
- Energy Policy Review – India 2020: Energy Policy Review. IEA Publications, 2020. 303 p. // International Energy Agency (IEA). URL: <https://www.iea.org/reports/india-2020>, свободный.
- Изв. – Дизельные машины запретят в Южном Китае к 2030 году // Известия. 2022. 24 авг.
- Аналит. – Василенко Е.П., Сидоровский М.О., Шишигин С.В. Китай на пути к углеродной нейтральности. Аналитическая записка. М.: 2024. 22 с/ https://cbr.ru/Content/Document/File/166501/analytic_note_20241018_dfs.pdf, свободный.

Литература

1. Шакиров А.Д. О концепции устойчивого развития и ее принципах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. Т. 153, кн.1. С. 217–225.
2. Гулёв С.К., Катцов В.М., Соломина О.Н. Глобальное потепление продолжается // Вестн. РАН. 2008. Т. 78, № 1. С. 20–27.
3. Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий. Часть 2: Реализация климатических правовых актов на современном этапе и их перспективы // Государство и право. 2021. № 5. С. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S102694520012784-3>.
4. IPCC Core Writing Team. Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Lee H., Romero J. (Eds.). Geneva: IPCC, 2023. 184 p. <https://doi.org/10.59327/IPCC/AR6-9789291691647>.
5. Crippa M., Guizzardi D., Pagani F., Banja M., Muntean M., Schaaf E., Becker W., Monforti-Ferrario F., Quadrelli R., Risquez Martin A., Taghavi-Moharamli P., Köykkä J., Grassi G., Rossi S., Brandao De Melo J., Oom D., Branco A., San-Miguel J., Vignati E. GHG emissions of all world countries – 2023.

- JRC Science for Policy Report. JRC134504. EUR 31658 EN. Luxembourg: Publ. Off. Eur. Union, 2023. 263 p. <https://doi.org/10.2760/953322>.
6. Семенов С.М., Говор И.Л., Уварова Н.Е. Роль метана в современном изменении климата. М.: [б. и.]. 2018. 105 с.
 7. Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Сюан Д. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 114–139. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10095>.
 8. Ермакова Е.П. Развитие правовых основ «зеленого» финансирования в России, ЕС и Китае: сравнительно-правовой анализ // Вестн. РУДН. Сер.: Юрид. науки. 2020. Т. 24, № 2. С. 335–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352>.
 9. Боголюбов С.А. Развитие экологического права на евразийском пространстве. М.: ИНФРА-М, 2020. 429 с.
 10. Расстончина Ю.Л., Ковалева Е.И. «Зеленая» экономика и «зеленые» инвестиции Китая: возможности и перспективы // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Т. 9, № 3. С. 29–40. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3>.
 11. Маниуров А.Ю. Правовые основы экологической безопасности Китайской Народной Республики как составляющая национальной безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 7-2. С. 136–141.
 12. Харитонова Н.И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений // Государственное управление. Электр. вестник. 2021. № 86. С. 178–199. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-86-178-199>.
 13. Pandey M., Pandey M.K. Green technology & innovation: Its implications on the sustainable development in India context // Вестн. Самар. ун-та. Экономика и управление. 2023. Т. 14, № 1. С. 87–98. <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-1-87-98>.
 14. Шаблин П.А., Эриашвили Н.Д., Осодоев О.П., Иванова Ю.А. Экологическое право Индии: актуальные аспекты // Криминологич. журн. 2022. № 1. С. 75–82. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2022-1-75-82>.
 15. Дорохина К.М., Сахаров А.Г. Политика Индии в области смягчения последствий изменений климата: трудности и перспективы // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. № 4. С. 1–26. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-04>.

References

1. Shakirov A.D. On the concept of sustainable development and its principles. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2011, vol. 153, no. 1, pp. 217–225. (In Russian)
2. Gulev S.K., Kattsov V.M., Solomina O.N. Global warming persists. *Vestnik RAN*, 2008, vol. 78, no. 1, pp. 20–27. (In Russian)
3. Pekarnikova M.E., Polonsky A.B. Anthropogenic climate change and international-juridical activity on climate mitigation. Part 2. Implementation of climate legal acts at the present stage and their prospects. *State and Law*, 2021, no. 5, pp. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S102694520012784-3>. (In Russian)
4. IPCC Core Writing Team. *Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Lee H., Romero J. (Eds.). Geneva, IPCC, 2023. 184 p. <https://doi.org/10.59327/IPCC/AR6-9789291691647>.
5. Crippa M., Guizzardi D., Pagani F., Banja M., Muntean M., Schaaf E., Becker W., Monforti-Ferrario F., Quadrelli R., Risquez Martin A., Taghavi-Moharamli P., Köykkä J., Grassi G., Rossi S., Brandao De Melo J., Oom D., Branco A., San-Miguel J., Vignati E. GHG emissions of all world countries – 2023. JRC Science for Policy Report. JRC134504. EUR 31658 EN. Luxembourg, Publ. Off. Eur. Union, 2023. 263 p. <https://doi.org/10.2760/953322>.
6. Semenov S.M., Govor I.L., Uvarova N.E. *Rol' metana v sovremennom izmenenii klimata* [Methane and Its Role in Contemporary Climate Change]. Moscow, s.n., 2018. 105 p. (In Russian)

7. Bobylev S.N., Baraboshkina A.V., Xuan Z. Low-carbon development agenda in China. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2020, no. 82, pp. 114–139. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10095>. (In Russian)
8. Ermakova E.P. The development of the legal framework for “green” finance in Russia, the EU, and China: A comparative legal analysis. *RUDN Journal of Law*, 2020, vol. 24, no. 2, pp. 335–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352>. (In Russian)
9. Bogolyubov S.A. *Razvitie ekologicheskogo prava na evraziiskom prostranstve* [The Development of Environmental Law in Eurasia]. Moscow, INFRA-M, 2020. 429 p. (In Russian)
10. Rastopchina Yu.L., Kovaleva E.I. China’s “green” economy and “green” investment: Opportunities and prospects. *Research Result. Economic Research*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 29–40. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3>. (In Russian)
11. Mantsurov A.Yu. Environmental security in the People’s Republic of China as part of its national security. *Sotsial’no-Ekonomicheskie Issledovaniya, Gumanitarnye Nauki i Yurisprudentsiya: Teoriya i Praktika*, 2016, no. 7-2, pp. 136–141. (In Russian)
12. Kharitonova N.I. Eco-geopolitics as a new concept in the geopolitical paradigm of international relations. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2021, no. 86, pp. 178–199. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-86-178-199>. (In Russian)
13. Pandey M., Pandey M.K. Green technology & innovation: Its implications on the sustainable development in India context. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 87–98. <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-1-87-98>.
14. Shablin P.A., Eriashvili N.D., Osodoev O.P., Ivanova Yu.A. Environmental law of India: The current status. *Criminological Journal*, 2022, no. 1, pp. 75–82. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2022-1-75-82>. (In Russian)
15. Dorokhina K., Sakharov A. India’s climate mitigation policy: Challenges and prospects. *International Organizations Research Journal*, 2023, vol. 18, no. 4, pp. 96–123. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-04>.

Информация об авторе

Марина Евгеньевна Пекарникова, начальник юридического отдела, Институт природно-технических систем РАН; соискатель кафедры международного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: pekarnikowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2960-2039>

Author Information

Marina E. Pekarnikova, Head of Legal Department, Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences; Applicant, Department of International Law, Kazan Federal University

E-mail: pekarnikowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2960-2039>

Поступила в редакцию 20.11.2025

Принята после рецензирования 11.02.2026

Принята к публикации 11.02.2026

Received November 20, 2025

Revised February 11, 2026

Accepted February 11, 2026